Я никогда не умел сохранять друзей. Настоящих друзей, во всяком случае. Причина была неясна, и, разумеется, не из-за недостатка усилий. Тем не менее закономерность есть закономерность. Будучи наследным принцем, я олицетворял собой будущее, и было логично, что люди будут стекаться ко мне. Приобрести новых друзей было легко. Удержать их было трудно. Невозможно оспорить тот факт, что люди входили и выходили из моей жизни с регулярным постоянством, вопрос был только в количестве времени.

На ум приходит один конкретный пример. Феран из Дома Морроу. Сто лет назад Дом Морроу был известен своими грозными копьеносцами. Обладая превосходным размахом и непревзойденной скоростью, они могли сравниться с любым мечником и были настоящим бичом для кавалерии. В последние годы они переключились с военных действий на писательство.

Я встретил Ферана на королевском балу. И ему, и мне было около тринадцати лет, и мы не были помолвлены — у меня не было невесты, потому что моя мать была против концепции брака по расчету. У Ферана не было невесты, потому что, поскольку он был третьим сыном, его отец не потрудился найти ему пару. Таким образом, мы ютились в углу, со всех сторон осаждаемые легионом благородных дам, стремящихся воспользоваться своим пресловутым шансом. Ни один из нас не был достаточно взрослым, чтобы наслаждаться таким вниманием, поэтому, когда к нам подходили, мы отлучались, танцевали в течение одной песни, а затем возвращались в угол, надеясь, что если мы будем оставаться совершенно неподвижными и говорить шепотом, то не привлечем внимания очередной нападающей.

Ничто так не сплачивает людей как сочувствие. Мы с Фераном продолжали общаться. На мой вкус, он был немного книжником, мне пришлось почти тащить его в конюшню, чтобы он согласился покататься со мной, но в конце концов согласился. Аннет он нравился так же, как мне, она упрашивала меня привести его в павильон, чтобы поиграть в косс. Они разговаривали о книгах, а я изо всех сил старался не заснуть.

Это стало удивительно рутинным занятием. Половина нашего времени уходила на то, что предпочитал я, обычно на осмотр города или верховую езду, половина — на то, что хотел Феран, проводивший время в библиотеке своей семьи или в павильоне с Аннет.

Но в конце концов, примерно через год такой жизни, нам стало не хватать времени. Феран утверждал, что вскоре должен взять на себя больше канцелярских обязанностей своей семьи. Он был по-прежнему абсолютно вежлив и обещал найти время, как только его график освободится.

Но, естественно, этого так и не произошло.

В какой-то момент мне надоело чувствовать себя ребенком, бегающим за брошенным домашним животным, и я решил, что разрешу ему приходить ко мне.

Опять же, этого не происходило.

Мы по-прежнему виделись на различных встречах и мероприятиях, и он был безупречно воспитан, кланялся и всегда говорил что-то вроде: «Прошло слишком много времени, мы должны вскоре встретиться». — А потом мы возвращались к своей раздельной жизни, как будто нашей короткой дружбы и не было вовсе.

Потребовалось еще два или три болезненных повторения этого инцидента с другими людьми, чтобы я осознал эту закономерность.

— Это всего лишь вещь, которая случается со мной.

Эти слова стали мантрой. Итак, я перестал пытаться заводить полноценные дружеские отношения. Стал проводить больше времени с подхалимами и социальными альпинистами, которых так ненавидел.

Потому что, по крайней мере, если уж на то пошло, они были постоянны.

Именно с такими мыслями я сидел напротив Майи. В ее глазах была та же отстраненность, что и у Ферана. Возможно, это звучит немного глупо — принц, так старательно заботящийся о состоянии своих отношений с инферналом. Но, тем не менее, для меня это имело значение. Мы расположились в богато обставленной гостиной герцога на верхнем этаже. Большие окна гостиной пропускали лучи прохладного зимнего света. Нога Майи подпрыгивала вверх-вниз, тень металась по задней стене.

Я привстал. — Итак, что случилось?

— Я упорядочиваю свои мысли, — тихо сказала Майя. Эти слова оставили тревожное чувство в моем нутре.

Затем, несколько мгновений спустя, она протянула мне через стол разрезанный пополам посох. Затем она сняла свой амулет. — Я благодарна за все, что ты для меня сделал, но думаю, будет лучше пойти разными путями.

Я медленно шипяще вздохнул. Это прослеживалось. Конечно, она так и сделала.

В конце концов, это была просто ситуация, случившаяся со мной.

— Могу я спросить, почему? — сказал я. Мой голос был холодным.

— Есть много причин. — Сказала Майя. Она посмотрела в сторону. — Но в основном это вопрос доверия.

— Боги. — Я приложил руку к голове, затем жестом указал на нее. — Мы вместе сражались с

монстром, Майя. Работали вместе и победили Бариона. Мы спасли твоих детей. Нашли тебе демона — хорошего, судя по тому, что ты сказала. Что именно я должен сделать, чтобы ты доверяла мне? — Мой голос слегка повысился.

Майя положила обе ладони на стол. Мышцы предплечий напрягались с каждым последующим словом. — Если отбросить тот факт, что принц комфортно жил в стенах дворца из слоновой кости, в то время как мой народ нищенствовал и голодал, не принимать во внимание тот факт, что люди, с которыми мы путешествуем, скорее всего, убили бы меня, если бы не твоё вмешательство, и не учитывать, что ты сын моего заклятого врага… — Она посмотрела на свои руки. Ее голос дрогнул. — Оставим все это в стороне. Ты все еще не был честен со мной.

— Господи, ты совсем нерассудительна.

— Это не безосновательно, Кэрн.

— Это выглядит весьма беспричинно.

— Что неразумно, так это то, что от меня ожидают, что я просто приму твои поступки за чистую монету и не буду задавать вопросов. — Глаза Майи горели. — Ты ведь знал, кем был Барион. Знал о детях в подвале и о моих отношениях с ними. Ты решил, произвольно, по собственной воле, что будешь сопровождать меня, недочеловека, как называют нас ваши люди, обратно в мой дом по якобы доброте душевной…

— Я спас тебя. — Ядовито вклинился я, но Майя продолжала.

— Значит, теперь это был ты, а не мы. — Ее глаза сузились. — Больше всего меня беспокоит то, что ты владеешь священным пламенем — жизненной силой моего народа — и не приводишь никаких объяснений.

— О, так вот в чем дело. Хочешь знать, откуда взялся этот чертов огонь? — сказал я, мой тон был угрожающим.

Майя широко развела руки. — Прекрасно. Это отличное начало.

В прошлой жизни ты убила мою чертову сестру. Сожгла ее заживо, Майя. Она кричала, как животное, пока жарилась. Я даже не узнал ее голос в конце. И меня тоже сожгла, потому что я понёс её к фонтану и попытался потушить. Но мне не нужно рассказывать тебе, что из этого вышло, не так ли? Ты чертовски неблагодарная лицемерка, и знаешь что? Ты мне не нужна. Я нужен тебе больше, чем ты мне, но вот ты уже отпихиваешь мою чертову руку, так что проваливай. Удачи вернуться в анклав самостоятельно…

Я зажал рот рукой, прежде чем желчь, текущая в моей голове, успела сформироваться в слова. Каким же я был засранцем. Чуть не сказал все это. Майе. После всего, что она для меня сделала. Я был так рад, что у меня наконец-то появилась цель для всей моей ненависти, горечи

и злобы.

Но потом я увидел, как она вздрогнула. Как она напряглась. В ее глазах появились слезы.

Я узнал ее. Майя знала мою боль. Она ожидала предательства. Ожидала, возможно, с момента нашей первой встречи. И теперь пыталась ускорить, чтобы покончить с этим.

Это было просто то, что случалось с ней.

Медленно, по одному вдоху за раз, я выпустил яд. Мстительному, озлобленному человеку из моей первой жизни не было места в этой.

Я сел и начал рассказывать свою историю.

Майя почти не реагировала во время рассказа. Ее взгляд стал каким-то отрешенным, и она полностью замолчала. В рассказе было больше правды, чем я осмелился бы рассказать кому-либо, умолчал о ее роли в разграблении Уайтфолла и о жестокости нашей первой встречи. Сказал ей, что инфернал убил мою сестру, чтобы объяснить причину моего знакомства с демоническим пламенем, но не сказал, кто это был.

Постепенно я почувствовал, как боль в моем сердце начала утихать. Но даже тогда, думаю, эта страшная тайна тяготила меня, я знал, вряд ли кто-то мне поверит. Я рассказал ей о Сере, и Аннет, и Лилиан. Рассказал о том, как Барион много раз убивал меня, и о причине, по которой я так боялся ее демона. По моему лицу стекали мокрые струйки, зрение было раскаленным и переливающимся. Слезы продолжали падать, разбрызгиваясь по столу в аритмичном ритме. Но ее лицо не менялось, оставаясь все таким же невозмутимым. Я рассказал о хищной тьме в моем разуме после того, как демон сожрал меня, и о том, как она спасла меня от нее.

Одна слеза скатилась по ее щеке.

— Ну вот, в общем-то, и все. Я понимаю, если ты мне не веришь. Это слишком трудно. Но поверь вот чему. — Я взял ее за руку. — Я сделаю все возможное, чтобы восстановить твой народ, как сейчас, так и когда корона снова перейдет ко мне. Клянусь Старшими Богами, Майя. Все, чего я хочу, — это мир.

Майя обдумывала мои слова, казалось, целую вечность. Затем блеск в ее глазах наконец исчез, и она выдохнула. Вдох прозвучал странно, словно холодный ветер вырвался из ее легких.

— Я… — Она посмотрела на меня, посмотрела в мои покрасневшие глаза. Она заговорила, голос был полон сочувствия. — Ниленд, почему так трудно было рассказать мне?

Я вытер глаза рукавом. — Что ты имеешь в виду? Конечно, было трудно.

— Подожди… — Майя подняла руку и осторожно прикоснулась к своему лицу: «Что происходит со мной». Затем она повернулась ко мне. — Мне кажется, что я забыла что-то важное.

Черные нити страха вырвались из глубины моего подсознания и сжались. Я положил ладони на лоб и заставил себя дышать.

— … Что последнее ты помнишь, Майя?

— Что ты…

— Пожалуйста, Майя, пожалуйста, просто скажи мне последнее, что ты помнишь.

— Ты сел. И казалось, что наконец-то собрался рассказать мне правду. Потом ты засомневался… и я спросила, почему было так трудно.

«Страдай. Как страдала я.»

— Я молчал?

— До этого момента. Кэрн, что происходит…

«Ты один, маленький принц. Совсем, совсем один.»

Я внезапно встал. Кресло опрокинулось. Мое сердце колотилось в горле.

— Мне нужно идти.

Когда я бежал, воспоминания нахлынули с новой силой.

Сера была в тренировочном дворе замка с мастером меча Питтом. Она была в кожаных доспехах и тяжело дышала, периодически попивая воду из фляги. Я опустился на скамью рядом с ней. Она раздраженно оглядела меня, а потом взъерошила мне волосы.

Что ты тут забыл, Кэрн? — спросила она, словно я здесь никогда не появляюсь.

— Ищу тебя, — ответил я, довольный, что она вообще обратилась ко мне. Я положил свой маленький деревянный меч на колени.

— Иди поиграй с Аннет.

— Аннет — ребенок. — Я нахмурился.

— Ты ребенок.

— Вовсе не ребенок.

Сера издала страдальческий вздох и встала, вытянув руки над головой и сцепив ладони вместе.

— Готовы вернуться к делу? — спросил Питт, отставляя свою флягу в сторону.

— Подождите! — Я встал, охваченный паникой.

Подняв свой деревянный меч, я направил его в грудь Серы. — Я бросаю тебе вызов! — Сера моргнула, а затем рассмеялась, долго и сильно. Я скрестил руки.

— Я серьезно! — настаивал я.

— Не время играть, Кэрн, — сказала Сера. Но это никогда не относилось к ней. Я не мог вспомнить, когда это было в последний раз. Но, может быть, Сера просто устала от детских игр, вроде пятнашек. Сера любила драться. Если я покажу ей, что умею драться, возможно, все изменится.

— Не буду играть, — соврал я, — Я хочу научиться.

Сера раздраженно сдула с лица длинную светлую прядь волос. — Тогда назначь время с мастером Питом или другим мастером и учись.

Я посмотрел на нее. Это не имело никакого смысла. Сделал ли я что-то, что заставило Серу невзлюбить меня? Сказал ли я что-то, что задело ее чувства?

— Ладно, хорошо. Перестань так на меня смотреть. — Сера присела передо мной и ткнула меня пальцем в лоб. — Давай поиграем в — ищи-ищи.

— Правда?!

— Да. Найди укромное место. У нас с Питтом будет еще одна схватка. К тому времени, как она закончится, тебе лучше найти хорошее укрытие.

— Хорошо! — Моя грудь сжалась от волнения. Я повернулась, чтобы бежать, но потом оглянулась, что-то заподозрив. Сера всегда находила способ обмануть. — Ты не можешь проиграть за пять секунд и прийти за мной. Это должна быть хорошая схватка.

— Ладно, ладно, ты меня подловил. — Сера пренебрежительно махнула рукой. — Лучше поторопись.

Потребовалось пять минут, чтобы найти место. Одна из маминых горничных была на дежурстве, и я прокрался в ее покои. У изножья кровати стоял небольшой сундук. Он был тесноват, но я подтянул колени к груди и сумел закрыть его заподлицо. Конечно, это было неудобно, и через несколько минут у меня заболели ноги и свело бока, но это того стоило. Это было идеальное место.

Никто и никогда не смог бы найти меня здесь.

И, как оказалось, никто и не искал.

Сефур в середине разговора с уличным торговцем держал в руках что-то вроде жареной рыбы, когда я подошел. Должно быть, паника отразилась на моем лице, потому что Сефур отшатнулся и тут же оглянулся на меня, ища источник моего беспокойства. Его рука с опаской подошла к мечу.

— Все в порядке, ваша милость?

Слова вырвались паническим потоком. — Это моя вторая жизнь. Я умер в ночь моей коронации и вернулся, на десять лет назад. В этот год. Я умирал так много раз — это не важно. Женщина, убившая меня тогда, все еще охотится за мной. Охотится на нас. И когда я рассказал об этом Майе, это просто вылетело у нее из головы, как… — Лицо Сефура было странно отстраненным, словно он вспоминал какое-то потускневшее воспоминание. — …как сейчас. — Прошептал я.

— Что это значит? — спросил Сефур. — Как сейчас?

— Неважно. — Я сделал несколько шагов назад, моя грудь болела, затем повернулся и побежал по улицам Холиса, ища другое знакомое лицо. Где-то на задворках сознания я слышал смех.

Шеф-повар Эми оставила в моей комнате записку без подписи, приглашая меня на кухню. Конечно, ее там не было: мой отец строго придерживался позиции нетерпимости к празднованию дней рождения, он называл их «институционализированной заботой» и в прошлом увольнял слуг даже за упоминание об этом. Тем не менее, если она случайно оставляла кусок моего любимого торта в закрытой кастрюле, и я случайно находил его в день, который был моим днем рождения, в этом не было ничего плохого.

Такова была наша молчаливая традиция.

Я оставил лампу незажженной и ел свой торт, смакуя цедру лимона и прохладу взбитых сливок. Она действительно была лучшей.

Дверь со скрипом открылась, и я замер. В комнату вошла маленькая фигурка с канделябром в руках. Я с забавой наблюдал, как Аннет пробралась к кладовой, где Эми хранила затвердевшие конфеты и солодовый конфитюр.

— Поздновато для сладостей, не так ли? — спросил я.

Аннет ругнулась и подпрыгнула на целый фут; одна из свечей канделябра взлетела по дуге в мерцающем свете и погасла, упав на пол.

— Во имя Эльфиона, Кэрн. — Аннет прижала руку к груди.

— Просто сказал. Не стоит обижаться. — Я запихнул в рот еще одну порцию, чтобы скрыть смешок. Аннет неразборчиво хмыкнула и зажгла упавшую свечу.

— Значит, это какой-то странный акт бунтарства? — спросила она, глядя на содержимое моей тарелки. — Ешь торт в темноте?

— Именно лимонный торт, — сказал я, — Кислота лежит в основе любого восстания.

— Так глупо. — Она закатила глаза. Я не мог быть уверен в темноте, но показалось, что Аннет покраснела, смущенная тем, что ее застали за этим занятием.

— Возьми свою конфету. Не осуждаю. Я имею в виду, посмотри на меня. — Я протянул обе руки в обе стороны. — Давай, садись со мной.

Аннет покачала головой. — Мой аппетит испорчен. — Она повернулась, чтобы уйти.

— Эй, Аннет?

— Да?

Я разровнял вилкой небольшой участок крошек на своей тарелке. — Мне, в общем-то, все равно, но немного любопытно. Почему ты перестала приходить ко мне в комнаты читать?

— Я была надоедливой. Какая теперь разница?

— Не знаю. Думаю, это действительно не имеет никакого значения. Просто это было странно, вот и все. Ты приходила каждый день. Около месяца. А потом просто перестала. Думаю, мне было интересно, есть ли причина.

Аннет медленно покачала головой. — Нет. Не совсем.

— О. Тогда ладно.

Очевидно, передумав, Аннет вернулась в буфетную и достала горсть солодовых конфет, завернула их в носовой платок и положила в клатч.

— Не забудь о них, — сказал я бодро, — Если они растают, то заляпают все твои вещи.

— Не забуду. Я не ребенок.

— Это говорит ребенок, тайком выносящий конфеты из кухни.

— Заткнись, — проворчала Аннет и открыла дверь, чтобы уйти.

— Эй, Аннет? — сказал я.

— Что?

— Ты никогда не была врединой. И… ты всегда можешь вернуться. — Сказал я.

— Хорошо, — сказала Аннет, после долгого мгновения. А потом она ушла.

Я отправил в рот последний кусочек торта.

На вкус он был как пепел.

Тамара бездельничала возле флетчера, проверяя новую тетиву для своего лука. Она уже почти натянула ее, розовый кончик ее языка высунулся изо рта, когда я появился. При моем внезапном появлении тетива лопнула и оставила тонкую красную полосу на ее ладони. Я упал на землю и положил руки на колени, задыхаясь от боли в боку.

— Ай! Эльфион, как же больно. — Тамара поднесла раненую руку ко рту, злобно глядя на меня. — Есть ли причина, по которой вы бегаете вокруг, как безголовый морской ястреб, ваше величество?

— Да… просто… подожди секунду.

— Откуда вы вообще взялись? — спросила Тамара, оглядываясь по сторонам в поисках помех.

— От… герцога…

— Не так уж и далеко. — Тамара подняла осуждающе бровь. — Нам попросить Сефура поработать над вашей выносливостью.

Я с болью поднялся на ноги, рана в боку все еще болела. На этот раз мне было труднее произносить слова, но сочащийся страх толкал меня вперед. Должен же быть предел, верно? У любой магии есть пределы, это одно из первых, что ты узнаешь о ней. А Барион говорил, что магия такого масштаба должна быть практически неосуществима.

— Я уже жил этой жизнью. Все забывают, что я говорю. Если я умираю, то не остаюсь мертвым, а переношусь в прошлое… — Я запнулся, когда выражение лица Тамары отразило то же потерянное, глядящее на меня выражение: «Боги…»

— Знаешь, я тут подумала, что мы могли бы научить вас стрелять из лука. Быть единственным лучником в группе становится утомительно. — Тамара одарила меня дикой ухмылкой. Но я уже бежал, забыв о боли в боку, и чувство обреченности только усиливалось с каждым шагом.

Мой путь завел меня в какую-то петлю, и я нашел Орбена в конюшне герцога, расчесывающего своего коня.

— Приветствую тебя…

— Я путешественник во времени, — начал я, не дождавшись окончания фразы. — Как Персиваль и Хроносфера. На самом деле, у меня есть Хроносфера. Так что я знаю, что будет в будущем. Только не в ближайшем будущем, потому что я не… ну, это сложно. — Моя попытка разнообразить рассказ становилась все более напряженной. Должен был быть предел. Должен быть.

Глаза Орбена не остекленели, только потому, что он всегда так выглядел. Он заговорил через несколько секунд. — Да. Большинство вещей сложны для меня, ваше величество.

— Так я и думал… — Я остановился на полуслове, поняв, что он сказал. — Подожди, Орбен, ты это слышал? — Какая-то маленькая часть меня осмелилась надеяться.

Орбен кивнул. Я не мог в это поверить.

— Что я только что сказал? Просто расскажи мне, что произошло.

— Когда? — спросил Орбен. Он думал так сильно, что я мог это видеть.

— Когда я подбежал к тебе. Только что, просто расскажи мне все.

Глаза Орбена расширились в понимании. — А. Тогда ладно. Я пришел сюда, чтобы расчесать гриву Мерривезер. Она у меня привередливая, если не буду делать это каждый день, то не

побежит быстрее рыси, когда это больше всего нужно. Итак, я вычесываю ее гриву, как всегда, и тут она повернула голову и заскулила, как всегда, делает, когда хочет, от меня чего-нибудь. И я говорю ей: «Скажи, Мерривезер, я не хочу делать это здесь. Этот конюх увидит меня, и люди станут говорить.». Но она настаивает, понимаете.

Каким-то чудом я на мгновение забыл о своих проблемах. — Прости, Орбен, а в чем, собственно, — дело?

Его щеки окрасились в розовый цвет. — Это… поглаживание по голове и почесывание ушей, милорд. — Кобыла Паломинской породы одобрительно заскулила. — Видишь? Требует постоянно. Она ненасытна.

— Переходи к той части, где я появлюсь. — Сказал я.

— Точно. Ну, вы прибежали, весь расстроенный, и сказали: «Это сложно».

Я приложил руку к голове. Конечно. Какой же я был дурак, что даже понадеялся на это. — Неважно. Просто. Забудь. — Я шел от конюшни в оцепенении, пока Орбен поглаживал свою лошадь. Вновь навалилась зловещая удавка одиночества, становившаяся все теснее от ритмичного стука в моей голове.

Рот лекаря шевелился, но я не мог его расслышать. Он покачал головой, лицо его было скорбным и о-очень понимающим. Влажной тряпкой он вытер красные следы со своих рук. Бесконечная процессия слуг входила и выходила из смежной комнаты. Пара из них тихо перешептывалась в углу, то и дело поглядывая в нашу сторону. Лекарь закончил говорить и посмотрел на нас с невыносимо практичным сочувствием, ожидая ответа.

— Я не буду этого делать, черт побери. Эльфион заберет тебя и твою семью. — На лице Серы появилась маска ярости. Она бросилась прочь, захлопнув за собой дверь.

Аннет сжала мою руку, ее маленькие пальцы побелели, а лицо было лишено малейших эмоций, совершенно бесстрастное. Ее ногти глубоко вонзились в меня. В том месте, где третий ноготь проткнул кожу, выступила маленькая красная капелька.

— Аннет, — сказал я.

Она резко отпустила мою руку. — Прости.

У меня болели ноги, когда я стоял, онемев, казалось, несколько часов, спина и шея болели от долгого пребывания на одном месте. Я не мог вспомнить, когда в последний раз спал.

— Я сделаю это, — сказал я врачу. Мой голос был странным, как будто я забыл, как говорить. Он кивнул и удалился. Я посмотрел на Аннет. — Ты… хочешь пойти со мной?

Она покачала головой, движение было настолько незначительным, что почти незаметным.

— Ты уверена? — спросил я. Меньше всего в этот момент мне хотелось приставать к ней с расспросами, но это было необходимо. — Другого шанса может и не быть.

Еще одно небольшое потряхивание.

— Хорошо. Если ты этого хочешь.

Я пошел по коридору, мое восприятие коридора, казалось, растягивалось и искажалось. Конец становился все дальше и дальше. Во дворе послышалось движение, и я остановился, чтобы посмотреть.

Мой отец был там, сражался со стражниками. Такой спарринг не был бы чем-то необычным, но сегодня он был безоружен и без доспехов, а они использовали тренировочные жилеты и настоящую сталь. Их было двенадцать. Его мускулистая форма напряглась, когда он довел себя до предела, вращался, наносил удары, снова вращался. Противников было слишком много, никто не смог бы с ними справиться. Один человек бросился на него сзади, нанеся неглубокий удар по лопаткам. Отец крутанулся, его лицо превратилось в маску страдания и ярости, и на полном ходу бросился на мужчину, схватил его за ноги и повалил на землю. Теперь, находясь над ним, кулак моего отца оттянулся назад и с силой ударил вперед, врезавшись в лицо мужчины. Удары были слышны даже на расстоянии. Первый. Второй. Третий. Четвертый. Пятый.

Им потребовались все силы, чтобы оттащить его от своего товарища и прижать к земле, пока ярость не утихла. Отец сидел, пыхтя, как раненое животное. Человек на земле не вставал. Мой отец снова лег в грязь, бесцельно уставившись в небо.

Трус.

Глубоко вздохнув, я шагнул в палату.

Может быть, это был обман зрения, но на мгновение я увидел ее такой, какой она была когда-то. Королева Элария: волосы светлые и пышные, лицо полное и красивое. Но когда я подошел к кровати, иллюзия рассеялась. Ее сияющие светлые волосы поблекли до тошнотворной белизны. Лицо похудело, стало узким и костлявым, морщинистая кожа натянулась. Я пододвинул стул, взял чашку, стоявшую у ее кровати, и с помощью маленькой губки смочил ее потрескавшиеся губы. Она не двигалась, ее запавшие глаза были закрыты.

— Здравствуй, мама, — прошептал я, затем прочистил горло, прогоняя слабину в голосе. —

Врач считает, что дела обстоят… очень плохо. Он сказал… — Я снова прочистил горло. — Он сказал, что твоё тело разрушается, но по какой-то причине ты еще держишься. И лекарь хотел, что бы ты кое-что услышала, но… не думаю, что у меня хватит сил. — Я встал и прошелся по комнате, снова глядя в окно. Отец пропал. Почему его не было здесь? Я ходил туда-сюда.

— Разве ты не должна проснуться? Разве не так всегда происходит в сказках? Родитель приходит в себя перед самым концом и завещает ребенку какую-то… мудрость. Что угодно. Даже просто слово. Что-то для меня… — Я оборвал себя. — Что-то для них, что они смогут передать дальше.

Я снова сел рядом с ней и взял ее за руку. Она казалась такой хрупкой.

— Ты можешь сжать мою руку, чтобы я знал, что ты меня слышишь? Или пошевелить пальцем?

Ничего.

— Это… это нормально. — Я откинулся в кресле, измученный и обессиленный. Слова приходили медленно, мучительно. — Ты — мой источник энергии, мама. Ты всегда была им. Научила меня думать самостоятельно, как смотреть на мир. Я знаю… Я обещал, что буду хорошим королем. Добрым королем. Что буду править с состраданием и вдумчивостью. Что буду лучшим человеком, чем отец. Но я не знаю, смогу ли я… потому что… — Последняя фраза застряла у меня в груди.

Я так одинок.

Где-то в замке послышался смех. Это был легкомысленный и беззаботный звук. Как будто не наступил конец света. Я проглотил внезапный, иррациональный гнев на прерванный разговор.

Я тихо засмеялся. — Но ведь речь идет не обо мне, не так ли? — Я похлопал ее по руке. — Вот ведь засранец, да? Наступили последние времена… а я все еще сижу здесь и говорю о себе. — Я прищурил глаза, пытаясь вспомнить все, что хотел сказать.

— Я разговаривал со священником о Елисейских Залах. Он сказал…, сказал, что там красиво. Мирно. Золотые поля пшеницы простираются насколько хватает глаз, разделенные хрустальными башнями, бросающими призмы на небо. Там нет ночи, нет тьмы. Твои сестры будут там: Салвен и Каари, несомненно… поэтому… ты не будешь одинока. Там будет музыка и танцы. Я почти вижу это.

Я пытался справиться с собой.

— Они… они подарят тебе арфу, мама. Ты будешь играть, как всегда, и поразишь их. Достойные соберутся со всего астрального плана, чтобы услышать это. И ты будешь сильной. Такой, какой была раньше. — Я положил свой лоб на ее костяшки пальцев.

— Лекарь сказал мне, что иногда, когда человек очень болен, он держится ради тех, кто его окружает. Что они чувствуют себя виноватыми, когда уходят. Он сказал, что иногда помогает позволение. Прощание.

Я глубоко, содрогаясь, вздохнул.

— Если ты готова, ты можешь уйти сейчас.

Пожалуйста, не уходи.

— Сера, Аннет и я, мы все любим тебя. Мы будем скучать по тебе, но все будет хорошо.

Никогда не будет хорошо.

Я так напряженно ждал малейшего движения, движения ее головы, сжатия ее руки. Больше всего на свете я хотел, чтобы ее глаза снова открылись, хотя бы на секунду. Я молил богов о снисхождении, каждого из них.

Мои плечи потяжелели, когда я встал. Я заправил прядь волос ей за ухо и наклонился, чтобы поцеловать в лоб.

— Прощай, мама. Пусть мороз утихнет к твоему пробуждению.

— Вот и вся история. Я должен как-то собрать весь континент под одним знаменем, и только мы с тобой знаем правду, — бесцельно сказал я.

Теневая пантера уставилась на меня, умные глаза затуманились. Я бродил за городом в оцепенении, не зная направления, мои ноги привели меня к ближайшей роще деревьев. Большая кошка дремала на солнце, намеренная по какой-то причине последовать за мной, но достаточно умная, чтобы не отважиться на это ради цивилизации. Я погладил ее шелковистый мех, бездумно проводя по нему пальцами. Она лизнула мое лицо. Я налил немного вина из украденного бурдюка в ладонь и протянул ей. Пантера отпила, а потом посмотрела на меня так, что, казалось, сказала: Неужели ты это пьешь?

— Действительно. Почему я тебя так боялся? Ты же большая неженка.

Оно выглядело слегка уязвленной.

Хрустнула ветка. Пантера навострила уши. Еще одна веточка. И еще одна. Я знал только

одного человека, который так плохо умел тихо ходить. Майя появилась из-за дерева.

— Я бы подумал, что к этому времени ты уже устала от деревьев. — Майя нахмурилась на окружающий лес.

— Это правда, — проговорила она невнятно, — Но мне нужно было посоветоваться с товарищем по делу.

Я протянул ей бурдюк с вином. — Хочешь?

— Нет.

— Хорошо.

Мне пришло в голову, что в своей панике я поспешил уйти, не отдав Майе ее долю. Вероятно, поэтому она и была здесь. Я достал кошелек и начал считать, потом сдался и бросил все ей.

— За твои проблемы. Этого должно быть более чем достаточно, чтобы заказать эскорт до анклава магов.

Ее губы сжались. — Видишь? В этом-то и проблема. Это слишком много. Чтобы все получилось, ты не можешь продолжать пытаться купить меня, Кэрн.

— Я и не пытаюсь, — сказал я. Потом я подумал об этом. Посох. В меньшей степени, амулет. Это было именно то, что я пытался сделать. То, что я всегда делал со своими друзьями-подхалимами — рассыпал немного золота, и они ходили за мной несколько дней. Но потом до меня дошло все, что она сказала. — Что ты имеешь в виду, если это получится?

Майя присела напротив меня. Ее лицо было задумчивым. — Как ты тогда выразился? Ах, да. «Надо поговорить. Просто изложу некоторые вещи. Дай мне знать, если что-то не так понял».

Я моргнул, вспоминая ту ночь на крыше Бариона, удивленный тем, что мои слова были повторены так точно. — Продолжай.

— Ты знаешь кое-что. Это очевидно. То, что ты не должен знать. То, чего никто не должен знать, но ты все равно это знаешь. — Ее слова были отрезвляющими как пощечина. Я сидел, беззвучно открыв рот, Майя продолжала. — Но это знание не приходит свободно. Оно тяжким грузом лежит на тебе. На самом деле, я готова поставить все сокровища в хранилище моей семьи на то, что ты каким-то образом проклят.

Моя грудь сжалась. Она взглянула на меня. — Но как?

— После того, как ты сбежал из поместья герцога, я почувствовала себя странно. Было навязчивое желание не обращать на это внимания. Если бы не дедушкины часы у порога, я, возможно, не обратила бы внимания на это чувство. Но часы сдвинулись на десять минут вперед.

— Ты потеряла время.

— Да. Сначала я подумала, что это ты. Что ты наложил на меня какую-то странную, неизвестную мне магию. Нелепо, но ты делал и более нелепые вещи. — Майя разгладила платье и села на траву, потянувшись к теневой пантере. Та зарычала, и она отдернула руку, подумав еще немного. — Потом я следила за тобой издалека. Я наблюдала, как ты бежал к нашим спутникам. Я поговорила с каждым из них. Никто из них не мог вспомнить этот разговор. Потом я наблюдала, как ты говорил с горожанами, и каждый из них смотрел на тебя одним и тем же пустым взглядом.

— Это напомнило мне легенду, которую однажды рассказал мне отец. Один инфернальный политик вызвал могущественного дьявола для того, чтобы загадать желание. Он пожелал стать самым обаятельным человеком в мире. Но есть причина, по которой архидьяволов следует оставить в покое. Дьявол исполнил желание мужчины, а в качестве платы забрал его голос. Человек научился говорить с помощью рук, но почему-то все его переводчики переводили его страстные слова и вдохновляющие высказывания абсолютно плоско, не в силах передать ту музыку, благодаря которой слова человека оживали. — Она остановилась, ее лицо побледнело. — Ты пытался рассказать мне, в поместье герцога. Ты рассказывал мне. Но я не могу вспомнить.

— Да. — прошептал я, боясь, что если скажу что-нибудь еще, глаза Майи внезапно остекленеют, и она забудет об этом разговоре.

— Ты не одинок, Ниленд. — Майя опустилась передо мной на колени и коснулась моего лица. Нож, давно погребенный в моем нутре, раскрутился и наконец-то вышел на свободу.

Ее лицо стало решительным. — Расскажи мне еще раз.

— Но ты не вспомнишь, — сказал я, ужасаясь от этой мысли. Почему-то знание того, что кто-то не помнит, было менее ужасным, чем полное неведение.

— Магия. Имеет. Пределы. — Майя подчеркнула каждое слово. — Каждый раз немного меняй свою историю. Лги, если придется, но держи свои слова настолько близко к правде, насколько сможешь. Мы будем повторять это столько раз, сколько потребуется.

Столько раз, сколько потребуется. Я улыбнулся. Это было поэтично, в некотором смысле.

Я больше не был одинок.

Итак, я снова рассказал ей свою историю.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2367549